

РЕЦЕНЗИИ RECENZIJOS

Воронкова Г. В. Проблемы фонологии. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1981. — 134 с.

Заглавие монографии Г. В. Воронковой вызывает в памяти период начала 60-х гг., который можно было бы назвать фонологическим ренессансом в нашем языкознании. Именно тогда были созданы, либо впервые переведены на русский язык, либо переизданы труды лингвистов, составившие классический фонд современной фонологии. В это время были поставлены с новой остротой и оживленно обсуждались те „вечные“ вопросы, которые сопровождают развитие фонологической теории с самого возникновения учения о фонеме: в чем сущность фонемы (не является ли она просто научной абстракцией), каковы отношения фонемы и звука, какова природа различительных признаков и их роль в языке и т. п. Эти вопросы, как и многие другие лингвистические проблемы, конечно же, не получили окончательного решения. По своей проблематике и по своему значению для дальнейшей разработки фонологической теории работу Г. В. Воронковой можно поставить в ряд с ее классическими предшественниками. В небольшой по объему книге наряду с подведением итогов в фонологической науке за несколько последних десятилетий сделана попытка совершенно по-новому подойти к разрешению „вечных“ вопросов.

О фундаментальном характере поставленных проблем говорят сами названия глав и разделов. Первая глава „Фонема“ включает разделы: „Лингвистическая и материальная реальность фонемы“,

„Аллофоны“, „Дифференциальные признаки“. Следующая глава представляет обзор основных школ и направлений фонология, существующих и существовавших. Заключает книгу глава о норвежской фонологии, где на материале конкретного языка еще раз выясняется концепция автора.

Фонема как многоплановая языковая единица чрезвычайной сложности допускает различные интерпретации в зависимости от того, какому аспекту исследователь придает первостепенную важность. Так, фонему можно рассматривать как элемент морфемы — в этом случае в качестве исходного объекта задана морфемная структура; семантический аспект фонемы требует выдвижения на первый план смысловозначительной функции, и тогда исходным пунктом исследования становится поиск минимальных пар; если же фонема рассматривается как инвариант некоторого множества звуков, исходным моментом служит вариативность звуков речи и т. д.

Для Г. В. Воронковой отправным пунктом выступает поток речи — непосредственно данный звуковой континуум. Эта точка зрения, разделяемая также некоторыми другими лингвистами, моделирует реальную ситуацию в акте общения, когда для распознавания звуков речи и, в конечном счете, для понимания речевого отрезка слушающему необходимо сегментировать непрерывный речевой сиг-

нал¹. Языковое сознание, или интуиция слушающего, справляется каким-то образом с этой задачей. Л. В. Зиндер так описывает данную операцию: „Практически дело сводится к тому, чтобы членить речевой поток на дискретные языковые элементы и из широко варьирующих по их объективным характеристикам единиц речи получать инвариантные единицы языка; например, извлекать из воспринимаемой материальной акустической картины абстрагированные языковые единицы — фонемы“ [Зиндер, 1979, с. 17].

Однако Г. В. Воронкову интересует не психолингвистический аспект, который, вероятно, прежде всего запрашивается в связи с описываемой ситуацией, а то, как решает данную задачу исследователь-лингвист, какие методы и процедуры при этом используются, какие выделяются единицы языка, каков статус этих единиц. Автор пишет в предисловии, что наряду с объективным представлением существующих точек зрения „он считал своим долгом вскрыть недостатки и слабые стороны разных концепций“; при этом „собственная точка зрения автора находит выражение при изложении существующих теорий“. Выводы автора представляют, таким образом, разрешение противоречий, обнаруженных им в существующих фонологических учениях. Это создает трудности для читателя, тем более что критика ведется с вполне определенных позиций, которые не сразу становятся понятны. Кроме того, неизбежны критические рассуждения частных вопросов, также важных и тесно связанных с основным — дискретизацией потока речи, но отвлекающих изложение от главной линии. Отсюда цель рецензента состоит в том, чтобы выделить и подчеркнуть то новое, что вносит автор книги в постановку и решение проблем фонологии.

¹ Членение потока речи Л. В. Щерба считал важнейшей проблемой фонологии [Щерба, 1974, с. 13].

Критика на критику явилась бы весьма громоздким и вряд ли полезным делом.

Анализ речи с использованием физико-акустической аппаратуры Г. В. Воронкова считает неадекватным при определении истинно лингвистических дискретных единиц: „Физики обнаружат, вероятно, некоторую периодичность в тексте, но, конечно, не найдут <...> никаких четких границ внутри текста, т. е. никакой дискретности“ [с. 5]. Тем более, по ее мнению, физикам невозможно получить дискретные парадигматические единицы.

Нужно сказать, что здесь автор, вероятно, недооценивает возможности экспериментально-фонетического анализа, но он безусловно прав в том, что для членения речевого потока на звуки речи недостаточно знать его физические характеристики.

В противоположность акустическому, лингвистический анализ, несмотря на многообразие подходов, связанных с установками различных фонологических школ, успешно осуществляет дискретизацию. Лингвисты „<...> обнаруживают в тексте лингвистическую членимость на дискретные сегменты, функционально объединяющиеся в то, что лингвисты называют фонемами“ [с. 6]. Иными словами, синтагматическая идентификация отдельных звуковых единиц речи невозможна без парадигматической идентификации сегментов, т. е. без соотнесения с фонематической системой.

Визна научного подхода Г. В. Воронковой заключается в принципиально более глубокой, чем это было принято ранее, разработке вопроса об отношениях синтагматики и парадигматики в фонологии: „Проблема синтагматического и парадигматического планов (плоскостей) в фонематических системах, как правило, не находит эксплицитного выражения в фонологических концепциях. Однако имплицитно она присутствует во всех теориях фонемы и является одной

из проблем, которые способствуют вскрытию противоречий в тех или иных фонологических решениях“ [с. 20].

Исходя из того, что в парадигматике мы имеем противопоставление одного элемента всем другим элементам [с. 20], автор книги неоднократно подчеркивает, что фонемы языка могут быть организованы в парадигматической плоскости в единую систему только как члены множественных оппозиций [с. 22], когда каждая фонема противопоставлена не какой-то одной, но всем другим фонемам этой системы [с. 25]. Фонологическое содержание фонемы определяется комбинацией всех оппозиций [с. 68]. Взятая в синтагматике, т. е. как член линейной последовательности, фонема независима от окружения [с. 25, 27], „представляет выбор из стольких возможностей, сколько возможно фонем в данном положении“ [с. 58]. Эти утверждения полемически заострены против выведения фонемной структуры из того рода оппозиций, которые получили название бинарных. Этот тип оппозиций представляет по сути дела одномерные оппозиции, получаемые на основе подбора минимальных пар или составления корреляционных рядов слов. В результате известных методов и процедур получаем коррелятивные пары фонем, противопоставленных по одному различительному признаку.

Многие страницы книги посвящены полемике с теми учениями, в основе которых лежит принцип бинарной оппозиции, причем здесь объединяются концепции Джоунза, Трубецкого и представителей американского структурализма (правильнее было бы говорить не о самом Трубецком, а о его последователях, абсолютизированных привативных одномерных оппозиции). Метод бинарных противопоставлений (а следовательно, и его результаты), несмотря на его давнюю репутацию и широкое применение, оказывается неприемлемым, по мнению Г. В. Воронковой, для получения единиц высшего, пара-

дигматического уровня – фонем. Причины этой неприемлемости указаны выше: во-первых, фонема может выступать только в виде члена множественных оппозиций, а во-вторых, подбирая сегменты в идентичном фонетическом контексте, мы тем самым получаем единицы, зависящие от фонетического окружения, вследствие чего этим единицам нельзя приписать статус фонемы. Полученные в результате такой процедуры единицы следует считать принадлежащими к другому уровню, называемому в книге интеруровнем. Введение интеруровня отличается концепцию Г. В. Воронковой от прочих фонологических учений и представляет ее оригинальный вклад в решение рассматриваемых проблем.

Интеруровень определяется как промежуточная сфера, „которая не принадлежит ни языку, ни речи, ни коду, ни сообщению, но которая связывает эти языковые планы“ [с. 52]. Единцей интеруровня является аллофон – продукт первой ступени дискретизации, осуществляемой на базе бинарных оппозиций; он имеет однозначную материальную выраженность. Фонема, в свою очередь, характеризуется следующим образом: „<...> фонема является результатом окончательной дискретизации, полученным на базе множественных противопоставлений значимых элементов языка, и имеет множественную материальную выраженность, в частности, в виде аллофонов, каждый из которых противопоставлен другому аллофону другой фонемы этой же системы“ [с. 51].

Бинарные противопоставления, имеющие столь давние традиции, и широкое распространение в фонологических исследованиях, как мы видим, не сбрасываются со счета. Они должны использоваться для дискретизации, но переносятся Г. В. Воронковой на постулируемый ею интеруровень. По этому поводу имеется такое замечание: „в синтагматике successивные элементы противопоставлены,

конечно, двоячно, но вряд ли это двоячное противопоставление может быть возможным без предварительного двоячного противопоставления на другом уровне" [с. 20]. Этим другим уровнем и выступает интеруровень.

Введение специального нефонематического уровня, по-видимому, может быть оправдано также следующими соображениями.

Законы альтернации, характерные для какого-либо языка, воздействуют на данный сегмент независимо от того, приводит ли это в результате к аллофоническому или морфофонематическому чередованию. Наиболее типичный пример — озвончение глухих согласных перед звонкими в русском языке. Результатом альтернации в большинстве случаев являются звонкие согласные фонемы, но при озвончении /ч/ мы получим только звонкий аллофон этой фонемы. Это явление — оборотная сторона того факта, что при наличии корреляции по какому-либо признаку не все фонемы рассматриваемого языка образуют коррелятивные пары. Так, отсутствуют звонкие корреляты /ч/ в русском или /s/ в норвежском.

Представители генеративной фонологии выходят из положения очень просто: они вообще устраняют фонемный уровень и тем самым противопоставление между фонемным и другими возможными уровнями. Но вряд ли это упрощение оправдывает изгнание из фонологии такой единицы как фонема.

Ввод специальный промежуточный уровень, мы более не рискуем получить фонемы, не существующие в исследуемом языке.

Ключевая формулировка автора приведена на с. 51:

„План выражения языка можно представить в виде связанных между собой трех плоскостей фонологической системы языка: парадигматической плоскости, плоскости бинарных противопоставлений, или интеруровня, и синтагматиче-

ской плоскости“. Парадигматическая плоскость и интеруровень были охарактеризованы выше. Что касается синтагматики, то „это плоскость, в которой и фонема, и аллофон как дискретные единицы парадигматической плоскости и плоскости бинарных противопоставлений представляют последовательности, составляющие значимые единицы языка в линейном высказывании“.

Геометрическая метафора плоскости, используемая в приведенных формулировках, сохраняет свою наглядность, пока мы говорим об отдельных уровнях фонологической системы, абстрагируясь от связей, существующих между этими уровнями. Но коль скоро речь заходит о взаимосвязях, понятие плоскости утрачивает свой наглядный характер. Во-первых, множественные отношения в парадигматике требуют многомерной структуры. Она должна быть, по-видимому, представлена даже не трехмерной геометрической фигурой — кубом и т. д. (подобные изображения фонемных систем как раз критикуются в книге), а чем-то гораздо более сложным. Во-вторых, если интеруровень призван связывать две другие плоскости, его невозможно вообразить иначе, чем в виде объема между плоскостями, в пределах которого осуществляются связи между парадигматикой и синтагматикой. Однако и такое представление может оказаться неадекватным, поскольку каждый сегмент синтагматической плоскости есть результат взаимодействия между парадигматикой и интеруровнем. Как отмечала в одной из своих статей сама Г. В. Воронкова, „вопрос о том, на какой оси или в какой точке пересекаются эти плоскости, т. е. вопрос о взаимосвязях и взаимодействиях трех плоскостей остается еще не решенным“ [Воронкова, 1977, с. 6]. Можно сказать, что в книге этот вопрос решен, но понятие плоскости скорее затрудняет, чем помогает полному проникновению в существо связей между уровнями.

Наряду с главной проблемой в первой главе рассматриваются (и отвергаются) трактовки фонемы как класса звуков, звукотипа, инварианта. Критикуется мнение о том, что отношения фонемы и звука аналогичны: отношениям понятия и материального объекта в логике [с. 37–38]. Вновь ставится вопрос о функции фонемы в языке. Для Г. В. Воронковой на первом месте стоит функция дискретизации речевого потока и только затем — функция конструктивная и смысловоразличительная [с. 125].

Много места в книге уделено проблеме дифференциальных признаков (ДП)³. Г. В. Воронкова видит противоречие в следующем: ДП, выявляемые из оппозиций, выступают как релятивные, в известной степени абстрактно-лингвистические единицы; однако проводятся исследования с целью подвести под ДП „материальную базу“ или обнаружить их точные физические корреляты. Особые возражения автора вызывает дихотомическая классификация ДП Якобсона—Халле, основанная на акустических характеристиках речи. Автор называет иллюзорным выведение ДП из объективной реальности с помощью методов, применяемых Якобсоном [с. 61]; дихотомическую структуру ДП и их группировки в пучки автор считает не объективной реальностью, а лишь „удобным способом описания различий между фонемами“ и формализованной моделью звукового языка, причем эта модель — „колоссальное упрощение по сравнению с механизмом естественной человеческой речи“ [с. 63].

В защиту критикуемых автором методов и представлений можно было бы сказать, что наука вообще в разных своих областях стремится к наивысшим обоб-

щениям и выявлению наименьших, далее неделимых элементов (ср. поиск элементарных частиц в физике). Лингвистические исследования в этом плане уже в течение многих лет посвящаются поиску языковых универсалий и описанию единиц так называемого меризматического уровня. Но при этом, как правильно отмечает Г. В. Воронкова, утрачивается своеобразие отдельных языков и их фонематических систем.

Фонологическое содержание фонемы как совокупности всех ДП находится в противоречии, по мнению Г. В. Воронковой, с методом выведения ДП, основанным на подборе коррелятивных пар. Здесь проявляется то же противоречие, что и в интерпретации фонемы только как члена корреляций (а не всех возможных противопоставлений). При таком методе недостаточно учитывается позиция периферийных фонем, например, норвежского /h/, и наличие фонем, не образующих коррелятивных пар даже при существующей в системе корреляции (норвежское /s/).

Для того чтобы продемонстрировать неприемлемость определения ДП из оппозиций близкородственных фонем, Г. В. Воронкова использует доказательство от противного. Методика применяется к определению ДП норвежской фонемы /s/. Результатом сопоставлений /s/ с /t/ и /d/ оказывается тот абсурдный вывод, что /t/ и /d/ — тождественные фонемы, не различающиеся по участию голоса [с. 123–124]. По поводу этих операций следует заметить, что абсурдность вывода действительно была заложена с самого начала, так как ситуация в норвежском консонантизме рассматривалась как бы с точки зрения фонемы /s/, не имеющей звонкого коррелята, т. е. „не признающей“ корреляции по глухости /звонкости. Это то свойство и было названо Трубецким нерелевантностью.

Автор книги принадлежит к тем фонологам, которые не признают ДП за мельчайшие фонологические единицы, об-

³ Впервые мнения автора по проблемам, связанным с ДП, были высказаны в известной статье „Фонема — пучок РП?“ [Воронкова, Стеблин-Каменский, 1970, с. 6].

ладающие известной самостоятельностью и предметностью. ДП — это только качества, характеристики, или, по словам Г. В. Воронковой, „не элементы фонемы, а всего лишь свойства ее материальной субстанции, притом не всей субстанции, а лишь какой-то ее части“ [с. 125]. Следуя рассуждениям автора, нужно говорить не о ДП фонем, а о признаках аллофонов. Предполагается, что признаки, будучи „спущенными“ на интеруровень, выступили бы там как нечто вполне реальное, материальное, а не как релятивные понятия [с. 65].

„Именно эта материальная реальность, которая обнаруживается в признаках аллофонов, вычленимых в бинарной плоскости (интеруровне), играет важнейшую роль при фонологических изменениях“, — утверждает Г. В. Воронкова [с. 72]. Это утверждение направлено против тех исследований по диахронической фонологии, в которых смена оппозиций и ДП, т. е. структурный фактор, признается за единственно возможную первопричину звуковых изменений. Крайнее выражение этой точки зрения заключается в том, что фонетические изменения и сводятся к системным перестройкам, к последовательности синхронных состояний, описываемых в терминах ДП. Несколько утрируя представления сторонников этого подхода, Г. В. Воронкова делает вывод, что в таком случае „реализациями фонем, аллофонами и вообще языковой реальностью в истории языка следует полностью пренебречь“ [с. 72]. Здесь автор книги поддерживает концепцию М. И. Стеблин-Каменского, который еще в 1966 г. в одном из своих выступлений отмечал: „В причинных объяснениях диахронической фонология пошла назад, превеличив структурный фактор и доведя его до абсурда“ [Стеблин-Каменский, 1966, с. 8]. Именно М. И. Стеблин-Каменскому принадлежит мысль о важности ал-

лофонных изменений, о том, что они могут предшествовать фонемным³.

В противоположность гипотетическим реконструкциям фонематических систем по результатам изменений предусматривается более глубокое изучение процесса в том виде, как он имел место „на самом деле“, т. е. по мере возможности ответ на вопрос, каким образом совершалось и произошло данное изменение. Исследования не столь давних и в достаточной степени документированных эпох представляют такие возможности. Для более древних состояний фронтальности изменения, не находящая отражения в орфографии, свидетельствует о том, что „оно было прежде всего изменением в реализации фонем, т. е. их аллофонным изменением“ [Стеблин-Каменский, 1982, с. 48].

Г. В. Воронкова не отрицает системность и роль системного или структурного фактора, введение которого позволило заполнить целый ряд выдающихся исследований в области диахронической фонологии. Но системность представляется на современном этапе гораздо более сложной, чем в трудах А. Мартине и его последователей. Г. В. Воронкова считает, что „реконструкция аллофонов и анализ их функционирования для установления механизмов диахронических изменений и вскрытия причин этих изменений“ может стать вполне успешным методом [с. 71]. Это направление заслуживает всяческой поддержки.

Заключая обзор, укажем снова, что мы определили своей задачей вести читателя в круг проблем, которые ставятся в книге, но ввиду ее полемического, дискуссионного характера, может быть, не сразу очерчиваются с полной ясностью. В целом монография получилась глубокая по содержанию, насыщенная научным материалом. Она представляет инте-

³ О роли аллофонов в фонетических изменениях см. также: [Зиндер, 1979, с. 243].

рес как для сложившихся лингвистов, так и для „начинающего фонолога“. Для этого последнего особенно рекомендуется вторая глава: из всей фонологической литературы только здесь он найдет собранные в одном месте характеристики фонологических школ; эти характеристики дают достаточное представление о развитии фонологической теории от эпохи дотекстуальной фонетики до новейших концепций генеративной и стратификационной фонологии. Достижения советской лингвистической мысли в области фонологии отражены на страницах, посвященных Московской и Ленинградской фонологическим школам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Воронкова, 1977 — Воронкова Г. В. Относительность и абсолютность фонологического содержания фонемы. — Вестн. Ленингр. ун-та, 1977, № 8, с. 104—109.

Степонавичюс А. Основы диахронической фонологии. Очерк истории и типы звуковых изменений. — Вильнюс, 1982. — 90 с.

Степонавичюс А. Основы диахронической фонологии. Механизм звуковых изменений. — Вильнюс, 1982. — 84 с.

Die vorliegenden zwei Publikationen des Schülers von Professor M. I. Steblin-Kamenskij, dem auch dieses Heft gewidmet ist, sind aus der Leningrader phonologischen Schule entstanden. Dieses Werk ist nicht nur den Germanisten willkommen. Es dürfte auch von der Lituanistik und besonders von den im Bereich der allgemeinen Phonologie arbeitenden Linguisten begrüßt werden.

Das erste Buch besteht aus einem Vorwort und zwei Kapiteln. Das erste Kapitel ist der Geschichte der phonologischen Theorien gewidmet. Im zweiten Kapitel werden die Klassifikationen der lautlichen Veränderungen behandelt. Als Anhang sind die Tabellen der distinktiven Merkmale der Vokale und Konsonanten des Indogermanischen, des Ge-

Воронкова, Стеблин-Каменский, 1970 — Воронкова Г. В., Стеблин-Каменский М. И. Фонема — пучок РП? — ВЯ, № 6, 1970, с. 6.

Зиндер, 1979 — Зиндер Л. Р. Общая фонетика. — М., 1979, с. 17, 243.

Стеблин-Каменский, 1966 — Стеблин-Каменский М. И. К теории звуковых изменений. — В кн.: Очерки по диахронической фонологии скандинавских языков. Л., 1966, с. 8.

Стеблин-Каменский, 1982 — Стеблин-Каменский М. И. Скандинавское передвижение согласных. — ВЯ, 1982, № 1, с. 48.

Щерба, 1974 — Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. — Л., 1974, с. 13.

В. А. Квятковский

meingermanischen, des Altenglischen, des Neuenenglischen und des Litauischen beigefügt.

Im Vorwort bestimmt der Verfasser die Aufgaben der diachronischen Phonologie. Sie soll als Theorie des Lautwandels enthalten: eine Definition der wichtigsten Begriffe des Lautsystems der Sprache, die strukturelle Klassifikation der lautlichen Veränderungen. Die diachronische Theorie soll auch die Mechanismen der Veränderungen zeigen. Sie soll zwei Fragen beantworten: Warum finden die Veränderungen statt (Entwicklungsfaktoren) und wie funktionieren sie (Übergangsprobleme)? Die diachronische Phonologie soll auch die Methoden der Beschreibung und die Technik der Rekonstruktionen umfassen. Der Verfasser faßt die Rekonstruktionen sehr weit auf. Darunter versteht man die Rekonstruk-